

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE THERE IS ONLY WAR!

DARK IMPERIUM

EDITED BY MARC GARGOONE AND ANDY JONES

WARHAMMER

SPACE MARINES

NOVEL

Robert Earl

Ангелы

Это случилось почти сорок зим назад, но я
еще помню. Иногда, правда, вспоминать
тя

жело. В теплых лучах летнего солнца
или в

чаду таверны, в окружении знакомых лиц,
это

кажется лишь сном или стариновской
байкой, ставшей почти реальной от
рассказов.

Но когда прошлой зимой пришли волки, все
было ясным, как летнее небо над полями.

И когда Мари лежала при первых родах,
на

мать была тем единственным, что не
дало

мне заснуть в страхе.

Когда это случилось, Пастернак был меньше,
ше, чем сейчас, куда меньше. К северу от
реч

ки ничего не было, кроме тени мельницы,
а
все домики и даже мастерские были
надежно
спрятаны за частоколом. Они кучковались
у
поляны, загаты к миру, но между их
крепки
ми фасадами мы могли видеть битву
между
верхушками гальных деревьев и ветром.
Сам частокол был тогда выше. Так было
надо, потому что нас тогда волновали
куда
хуже вещи, чем цены на урожай. Импера
тор, да защитят Его боги, тогда еще не
начал
вычищать лес. А лес был близок.
Время от времени, лежа в кроватях, мы
слышали крики, разносящиеся во тьме
ночи, дикие крики, не человеческие и не
животные.
Когда на них стало невозможно не

обращать

внимания, совет и остальные люди
встрети

лись на поляне.

Там, среди уютных запахов дыма,
похлебки

и навоза, они пили и спорили день или где-
то

так. Потом они решили сделать то, что
реша

ли сделать всегда --- послать патруль. Но
по

сылали всегда при свете дня и без особого
желания. Иногда патрули возвращались с
триумфом, неся с собой тушки кроликов
или

даже оленя, но в основном они просто
возвра

щались в спешке.

Они были глупцами, что не стали искать
врага, прежде чем тот нашел нас, но я не
могу

их за это винить. Кто из нас не предпочел

бы

натянуть одеяло на голову и надеяться на
луч

шее?

Однажды осенью тень леса выросла. Слухи

бежали по узким дорогам и
стремительным

рекам, слухи о северном колдовстве и
прячу

щихся новых приверженцах ужасного искус
ства.

Один из тощих призракоподобных слепо

пытов, что изредка брели по дороге в
город, остановился в деревне на

достаточное время, чтобы перепугать нас
всех. Он рассказал ис

торию об огнях в небе, огромных огненных
вспышках, способных соперничать с север

ным сиянием, о деревнях, найденных таин
ственно заброшенными и преданными

огню, об ужасных раздвоенных следах
двухногого

существа на остывающем пенле.

После его ухода, все говорили друг другу, что он был безумцем или лжецом, и что чего

еще можно ожидать от следопыта? Но даже я

заметил, что после ухода этого человека на

патрульные держались ближе к дому и еще чаще

прикрывали глаза на что-либо. Они даже не

перестали отшучиваться. Потом, когда убили

Малленса, патрули из Пастернака вообще перестали

отправляться.

Малленс был старым покрытым шрамами

быком в обличье человека. Он прибыл в деревню за два года до этого, все еще в златан

ной форме алебарщика, и, думаю, мы с бра

том лишь чуть больше боялись его, чем
наши
родители.

Даже ольдертен фаузер потерял гар
речи, когда старый вояка крепко, до
побеления су

ставов, сжал его руку и позволил двину
тись

ным боевым псам, составившим все его
силу

щество, обнюхать штаны нового соседа.

Несмотря на свои странные манеры и юж
ный акцент, Малленс скоро стал
известным в

Пастернаке. Его гончие притаскивали
множе

ство диких кабанов, которых он позволял
жа

рить для всей деревни в обмен на то,
чтобы

нажраться пива. Когда такие пиршества
за

канчивались и тихо дотлевали угольки

костра, он наполнял наше воображение
бүдоражащи

ти кровь рассказать о смерти и славе из
тех

времен, когда он служил в великом войске
Императора.

Еще более радостным было то обстоятель
ство, что он нанимал любого, кому нужны
были деньги. Километра за три к западу
от

деревни лежал древний полустанок с парой
запущенных полей, который Малленс выку
пил себе на пенсию. Поскольку он всегда
спрашивал совета у деревенских, равно как
и

платил их сыновьям за помощь, вся
деревня

гордилась тем, как Малленс перестроил
рас

крошившиеся каменные стены сторожки и
расчистил землю, на которой та стояла.

К нему настолько привязались, что когда
старый солдат не появлялся в деревне

целых

две недели, патруль почти охотно
отправился

посмотреть, не случилось ли с ним чего.

Хотя тогда я был юнцом, я никогда не
забу

ду угрюмое молчание по их возвращении к
семьям и шок, что въелся в них, словно
запах

дыма. И вид, и звуки, издаваемые
Густавом

Кузнецом, железником и железоруким, ко
гда он закашлялся и метнулся в свою
хибару.

Я пытался убедить себя, что стоны и
рыдания, которые мы слышали, исходили
от жены куз

неца. Мысль о том, что крепчайший
человек

слопался, была слишком уж сбивающей с
тол

ку.

Ни один человек из тех, что пошли на фер

мү Малленса, а позже сожгли ее дотла,
нико

гда не рассказывал о том, что же они там
на

шли. Ныне, все похороненные в святой
земле

у деревенского святилища, они и не расска
жут. Но за годы я ухитрился собрать
вместе

все отрывки тихих бесед и речи
тмялящих

пьяниц, которых быстро затыкали
товарищи.

Я могу сказать немного, но и этого
достаточ

но, чтобы подкинуть парочку мыслей, что
за

кровавый кошмар обнаружили эти люди.

Я знаю, что, среди прочего, они нашли

Малленса на ферме -- ну или то, что от
него

осталось. Его обглодали до костей, но
даже

упав, он не выпустил оружия. Пальцы скелета

намертво сжали древко окровавленного копья. Даже сейчас, картина наполняет меня

чем-то вроде боязливого удивления.

Его собак нашли лежащими с обеих сторон от него. Их разорванные и искореженные трупы

несли свидетельства отчаянного сопротивления, оказанного псам. Они погибли, как и жили — смелые и верные. Немногие люди могут надеяться на такую эпитафию, и

мои глаза до сих пор застилают слезы, когда я

вспоминаю об этих славных животных.

И не было почти никаких следов нападавших, совершивших такое отерзительное зло

деяние. Несколько костей, пара покрытых труп

хатами бурых пятен на каменных стенах и

раз
ломанная деревянная дверь. Казалось, что
их
плоть была столь же сладка для их
товарищей, как и любая другая.
Узнать о таком из первых рук словно
войти
в оживший кошмар --- и хотя это
покажется
извращением, я благодарю богов за это.
Уже
са на ферме Малленса было достаточно,
что
бы наконец-то довести всю деревню до
бессо
ницы. Стало уже невозможным и дальше
не
обращать внимания на опасность, и наши
жизни изменились и перестроились за
одну
ночь.
На следующее утро на поляне была сходка.
Никто не пил. Единственный спор

произошел, когда фрау Хеннинг, мать
нашего молодого

кузнеца, попыталась отговорить его от
того, чтобы вызываться добровольцем
ехать в бли

жайший имперский город за помощью и
сол

датами. Но отец Гюльмара пресек ее
слезы и

возражения с пылом, граничащим с
яростью.

По-моему, он гордился храбростью сына и
не

хотел отказывать ему в возможности
показать

ее. Через несколько коротких недель эта
гор

дость начала превращаться в едкую стесню
го

речи и сожаления. Подпитываемая
хлебной

водкой и ворчащей женой, она, в конце кон
цов, и убила его.

Конечно, мы этого не знали, когда смотрели на прощающихся тем солнечным утром

отца и сына. Они были вместе и в живых, но

последний раз на этом свете, и, возможно, чув

ствуя это, они пожали друг другу руки, как

равные, даже как грузы, в первый раз. Гультар Хеннинг никогда не вернулся, но, по крайней мере, умер взрослым.

Пока стук копыт одолженной лошади кузнеца затихал вдали, мы стояли в долгой и торжественной тишине, нарушаемой только

лишь всхлипываниями обезумевшей от горя

и неутешной матери мальчика. Потом разго

релся спор, и мы совершили нечто невероят

ное, безумное. Было решено сделать

непрег

ставимое.

Мы бросили урожай.

Пшеница той осенью была оставлена
зреть, а потом и сохнуть, за частоколом,
пиршество

лишь для киштя кишящих всюду птиц и
на

разитов. Пока наша золотая кровь
прогнива

ла, возвращаясь в землю, целая деревня
рабо

тала на грани срыва. Огромное
мельничное

колесо было снято с места и выкачено за
во

рота, оставив голую заплату на неровно
сло

женной каменной стене. Мельник Карстен
сам командовал этим актом
необходимого

вандализма, командовал со сдвоенными
вскриками и грожащими руками. Когда он

прыгал вокруг, он напомнил мне, несмотря на свои толстые щеки и лысую голову, курицу, потерявшую цыплят. Даже в том возрасте, я, впрочем, догадался оставить это сравнение

при себе, к тому же, у меня было личное горе

— мы с братом больше не могли использовать

огромное деревянное колесо, как нашу личную лестницу через стену в деревню.

Большую часть работы проделали в лесу, где валяли деревья, чтобы укрепить частокол.

Тогда мне уже запретили выходить из дерев

ни, как и другим детям, но даже оттуда я мог

слышать сухие удары топоров, взрывающихся

в древесину, и внезапные резкие звуки падающих деревьев. На следующие несколько недель, звук, издаваемый людьми, прогрызаю

щились сквозь лес от окраины, стал
постоян
ным ритмом, в котором мы все жили.
Между тем, мать Гүльмара Хеннинга
нача
ла постоянно стоять у перил, словно в
каком-
то болезненно отчаянном дозоре. Она без
молвно стояла над бурной активностью в
де
ревне, сүхощавая и похожая на ворону в
своем
развевающемся от ветра черном плаще.
Она
наконец нарушила свое молчание через
три
дня, пронзительным криком, который всех
нас призвал к стене. Мои глаза
проследили за
направлением, которое она указывала
грожа
щей рукой, на восток, и я увидел...
Там не было ничего особого, всего лишь

оранжевые всполохи на горизонте. Через
скрюченные лапы черного леса, далекие
огни

даже казались уютными. Пламя пылало
где-

то в направлении Грюнвельгта,
километров

за пятьдесят, и я вслух поинтересовался,
до

вольно невинно и беззлобно, не пожар ли
там

у них.

Я повернулся к своему отцу, чтобы спро
сить его об этом, но промолчал, увидев
выра

жение безмолвного и злого облегчения на
его

лице. На балконе «похолодало», и я
вернулся

в кровать, ступенный и испуганный. На
сле

дующий день мы начали работать еще бы
стрее.

У меня особо не было времени, чтобы раз
мышлять над странным поворотом,
который
приняла наша жизнь, что, пожалуй, было и
к
лучшему. Мои дни были заполнены
очисткой
и раскладыванием перьев для растущих
свя
зок стрел или верчением точильного
каменя с
той скоростью, при которой я избегал
гнева
кузнеца Густава. Единственными
передышка
ми были неожиданные поручения или же, к
моему отвращению, выполнение женской
ра
боты — таскание воды для деревни.
Даже несмотря на тяжесть работы, я по
тню, что наслаждался ей, из-за всей той
но
визны, привнесенной возбуждением и пани

кой, которая была прекрасной игрой для
та
кого ребенка, каким я был тогда, хоть и
игрой
нелезкой. Я не мог взять в толк, почему
все
такие мрачные и в плохом настроении.
Даже
пивовар Станислав, обычно самый веселый
и
уж точно самый краснолицый человек в де
ревне, равкнул на меня, когда я споткнулся
о
связку обручей, которую он тащил от
кузне
ца.

Затем пришла ночь, и, когда зима сжала
свою ледяную хватку на Пастернаке и его
окрестностях, вот тогда я понял.

В серо-стальной час перед рассветом меня
вырвал из сна звук человеческого крика, ни
как не прекращавшегося. Я выбрался из кро
вати, которую делил с братом, все еще не

про
снүвшись окончательно, чтобы
действитель
но встревожиться, когда мой отец
ворвался в
комнату полүодетый и с безүмным взором.
Даже в сүтраке я үвидел, что костяшки
его
пальцев побелели, настолько крепко он
схва
тил косү, столь острую и сияющую в тот
мо
мент, какой она никогда не была. Он
крикнул
нам с братом отправляться обратно в
постель, но скрытый үжас в его голосе
приморозил
меня к месту. Я никогда не слышал ничего
подобного.
Когда мой отец выбежал наружу, я үвидел
других деревенских, несүщихся к северной
стене в свете факелов. Ольдермен Фаүзер
үже

был на верху частокола с полудюжиной других людей, и кротсал темноту впереди. Мне

было одинаково странно как услышать не пристойные ругательства, издаваемые оль

герменом, так и увидеть кровь на его вилах, когда он выдернул их из одной из теней. Мой

отец ступил на нижнюю ступеньку лестницы, когда он остановился, развернулся и проорал предостережение.

Через южную стену с омерзительными хри

патаи и визгатаи катилась волна темных бес

форменных созданий. Они карабкались по скатам крыши и просачивались в щели в стене

нах, как бурлящая масса горгулий, пробужденная к жизни бледной луной. Когда они добрались до освещенного святилища на по

ляне в деревне, я почувствовал себя ничтожным, увидев их.

Твари были мерзкой смесью людей и животных, ужасно сплавленных и слитых воедино.

Но их уродства не ослабляли их, напротив, они словно придавали им неестественную силу.

Их одежда была похожа на изогранные полосы, но когти, щелкающие на концах их

лап, были достаточно остры и блестящи, что

бы заставить меня застыть, а мой крик — не

вылететь из раскрытого рта.

Мельник, так же как и я, стоявший с раскрытым ртом, не веря в происходящее, стал

первой жертвой этого адского прилива. Не сбавляя шагу, искаженные демонические разорвали

его на куски с тилосердной скоростью,
крош

сая и визжа. Даже когда они продолжили
свой

бег, я видел, с подступающей к горлу
тошно

той, куски оторванных человеческих конеч
ностей, запихиваемые или в клыкастые
зве

рины пасти.

С ужасным ревом той отец и остальные
деревенские развернулись, чтобы
встретить

эту злобную атаку. Посредине поляны,
сталь

встретилась с когтем в кошмаре крови и
рез

ни. Люди Пастернака сражались с
пылающим

безумием страха в глазах той ночью, но
даже

так они ничего не могли
противопоставить

жестоким тварям и их абсолютному числен

ному превосходству.

Постепенно, безжалостно, жители деревни

были отброшены к северной стене жадной гордой перед ними. Любой упавший становил

ся жертвой мерзкой оргии поглощения, кото

рая скорее подогревала аппетит тварей, не

жели удовлетворяла его.

Затем, в одну ужасную секунду, произошли сразу две ужасные вещи. Ольдермен, наш вы

бранный вождь, был сорван со своего места на стене вторым кротсающим роет чудовищ.

И, что бесконечно хуже, мой отец упал от ужасного удара. Его противник, перекручен

ный коток клыков, когтей и мышц, взревел

от удовольствия и прыгнул вперед, дабы по
лакомиться.

В том, что я сделал, не было храбрости,
ибо

без преодоленного страха не бывает
настоя

щего мужества. Да, мне пришлось
нырнуть в

волну ужаса, поглотившего меня, чтобы
схва

тить камень и провизжать твари вызов,
это

так. Но страха-то не было, только что-
то вро

де праведного гнева на мерзость предо
 мной.

Поворачиваясь, чтобы сразиться со мной,
тварь издала ужасающий лающий стешок.

Она возвышалась передо мной, так близко,
что я мог чувствовать ее вонь и видеть с
кри

стальной четкостью капельку слюны,
сбегаю

щую по кривому желтому клыкү. Но, даже
не

ред лицом его стеха и его силы, я поднял
свое

жалкое оружие и прыгнул в когти твари.

Мой удар не достиг цели, но и надобности
не было. В ту ужасную секунду, зная мою
сла

бость и мою веру, боги услышали мою
ярост

ные молитвы и ударили за меня! Извращен
ную твердь предо мной с пронзительным
воем

разорвало на части в сияющей вспышке
света, более яркой, чем во время любой
бүри. Битва

вокруг меня затихла, и люди, и чудовища
вместе с удивлением смотрели на порази
тельную, сбивающую с толку смерть
моего

врага.

Затем появились ангелы.

Их было четверо, по одному с каждой сто

роны частотола, и были они равно
прекрасны

и ужасны. Они выглядели, как огромные
бро

нированные рыцари, и двигались, словно
мощь великанов была заключена в них. Их
огромные сияющие доспехи странного
вида, с завитками и орнаментами на них,
были вы

крашены в оттенки синего и зеленого. В
руках

их было странное оружие: зубастые мечи,
изукрашенные железные палки, непонятные
пучки стальных трубок, неясно мерцавшие
со

странной злобою.

Один из них носил огромные перчатки,
большие руки, сделанные из металла, ис
крившиеся и потрескивавшие от разрядов
молний. Он поднял пылающие голубые пер
чатки над бронированной головой и сжал
стальные пальцы в кулак. Это был сигнал
к

началу.

В полной тишине и совершенно слаженно, три бронированные фигуры прыгнули в кричащую толпу демонов внизу. Резня началась, как только их огромные стальные сапоги коснулись земли.

Клыкастые мечи визжали и вопили, как кошки при пожаре, вгрызаясь в плоть и кость.

Они метали капли крови и куски плоти высоко в бездонную темноту ночи, и крики их жертв сливались с общим гулом.

Я почувствовал, что пошел странный теплый дождик и случайно слизнул каплю с губ.

Она имела соленый медный привкус свежей крови. Внезапно меня согнуло пополам в спазме, я начал блевать.

Сквозь слезы я видел ужасный голубой огонь стальных кулаков. Существо-владелец

шагало сквозь тени своих врагов с
заблуждени
вающим извращением, кружась в ужасном
тан
це смерти. Когда оно поворачивалось и
изги
балось, тяжелые пылающие руки хватали
его
челюсти, конечности, тела. Мышцы и кости
раз
летались на куски от его божественного
при
косновения и оставались лишь ужасные ды
мящиеся раны. Вонь горящего мяса распро
странялась по деревне.
Сначала извращенная свора мерзких тва
рей, роившихся под частоколом, дрогнула
перед яростью наших спасителей. Они
дохли, как животные на скотобойне,
испуганные и
сбитые с толку, пока гневный рык не вывел
их
из ступора. Страшный крик подхватило

еще
одно создание, потом еще одно, пока он не
звучал уже из множества искривленных
гло
ток. Он горел до режущего крещендо, и
вновь
демоны бросились в атаку с ужасающей
дику
стью.
Но когда вырожки ринулись на покрытых
кровью ангелов, резкий визг с небес
заглушил
их клич. Отчаянно закрыв руками уши, я
взглянул наверх и увидел четвертого
нашего
спасителя, все еще стоящего на
частоколе, еле
освещающего мерцающим светом
угасающего
пламени. Пучок стальных трубок,
который он
держал, завывал и сиял, метая пылающие
ко

нья огня в наступающие ряды противника. Выжившие были подняты, разорваны на кровавые ошметки и брошены на землю. Мертвые были разрублены еще раз, их останки были втоптаны глубоко во влажную почву.

Челюсти тварей были распахнуты в диком вое агонии, неслышном в ужасном шуме их казни.

Но демоны еще сражались. Несмотря на копы святого, волшебного огня, что резали

их как новая коса режет спелые стебли, несмотря на свежее мясо, валявшееся кучами, несмотря ни на что, они сражались с ангела

ми. Их жажда крови вела их к полному уничтожению. Когти и клыки трещали и лома

лись об небесную броню. Божественное оружие жадно прорубалось сквозь терзкие шку

ры к кривым костям под нити.

Зараженная

кровь разлеталась, воняя и дымясь, в холодном ночном воздухе. То была бойня.

Наконец, какое-то подобие осознания, должно быть, пришло к последним выжившим членам своры, и чужовища попытались

убежать. Я наблюдал за паникой, за чистым

ужасом в их выкаченных желтых глазах с трачным удовлетворением, едва ли способный понять, свидетелем чему стал. Они про

несли тило ангела с пылающими стальны

ми кулаками, оставив двоих из них утирать у

его ног, и прыгнули на частокол.

Но спасения от божественной ярости наших спасителей не было. Пылающие копья погнались за нити, нашли их и разорвали на

кровавые куски. Шипящая кровь стекала по
расщепленным кольям частокола
блестящи
ми струйками. Я уставился на
отвратительные
узоры, без единой мысли в голове, и
внезапно
представил себе, что вижу окровавленное
лицо Гультара, молодого кузнеца,
установившееся
на меня в ответ.
Меня начало трясти, я глотал воздух. В
их ушах все еще стоял звон от их
опустоши
тельного оружия. Тогда я не мог ничего де
лать, кроме как ползать, тяжело дыша, и
ры
дать. Прошло много времени, прежде чем
я
понял, что битва закончилась.

Ангелы стояли среди огромных гор
трунов, молча и недвижно, словно статуи
в парке.

Даже тогда, покрытые кровью и воняющие
горелым мясом, они были прекрасны.

Долгую

секунду мы стояли вместе, ангел и
мальчик, посредине бойни. Затем, так же
безмолвно, как и появились, они скрылись
из виду.

Мне нравится думать, что я был
единствен

ным, кто увидел звезду, взлетевшую из
леса

той ночью. Это была лишь тихая, далекая
вспышка света, и я бы тоже ее не
заметил, если бы не оторвался от колодца
ровно в ту

секунду. Пока я нес воду, чтобы омыть
раны

отца, я грезил о том, что был допущен к
их

небесной колеснице. И даже сейчас я улыба
юсь про себя, когда какой-нибудь странству

ющий мудрец или еще кто пытается
расска

зать, что такое звезды.

Это было почти сорок зим назад, но я все
еще помню. Когда волки пришли прошлой
зимой, память гала мне храбрость
выследить

и убить их в их же логове, а когда Мари
лежа

ла, крича от первых схваток, память
гала мне

силу нарушить запреты и принять сына.

Сейчас, когда голоса моего народа затиха
ют, и все, что я слышу — тиканье часов,
от

считывающих время до смерти, я
вспоминаю

события той ночи и не боюсь. Убо знаю,
что в

темноте, которую я скоро должен
встретить, боги пришлют ангелов вновь
пристотреть за

мной.

И на сей раз они не скроются из виду.

...